

Джордж Манн

На расстоянии вцепившаяся в выступ
блеклая фигура могла бы сойти за снежное
пятно на склоне горы, если бы не то
обстоятельство, что она

медленно и неуклонно стесалась, огибая
скалу в поисках своей жертвы.

Капеллан выслеживал создание
девятнадцать долгих и утомительных
дней, и теперь его тело -- несмотря на то,
что было увито стальными мышцами и

закалено непогодой -- уставало все сильнее.

Многие из его братьев оказались
недостаточно выносливы, чтобы выжить в

Диаготанских горах Куавара.

Пока он взбирался, ему приходилось
видеть их гниющие останки, разбившиеся
при падении со скал и частично
обмороженные из-за высокогорной

температуры. Он не скорбел об их
кончине. В такой смерти была честь.

Умереть во время духовного поиска
считалось сродни гибели в бою по крайней

мере в глазах капелланов.

Но он поклялся, что не присоединится к их
единенной, смертельной гряде. Он
выживет, невзирая на усталость, горевшую
в руках, невзирая на боль.

Он не вернется ни с чем.

Капеллан оглядел ближайшую скалу в
поисках своей жертвы. Его черные, цвета
полночи глаза казались бездонными
озерами, резко контрастируя с

ярко-бледной кожей. На нем была только
набедренная повязка с черными перьями --
церемониальная одежда для ритуальной
охоты -- а на шее

красовалась нить с тотемами цвета
слоновой кости. Это были хрупкие птичьи
черепки, его корвизы, которые застучали
друг о друга, стоило ему

пошевелиться, и тогда, преодолев два
отрога, он увидел существо.

Это был величественный зверь, создание
исключительной красоты. Внешностью он
напоминал крошечных черноклювых
воробьев Куавара, черепки

которых стали его тотемами, но на

этот сходство между ними заканчивалось. Это создание было размером с человека, с блестящими черными перьями и размахом крыльев в четыре или даже все пять метров. Его когти походили на кинжалы, предназначенные разрывать своих жертв еще до того, как за дело возьмется клюв, а в глазах-пучовках горел острый разум. Птица отдыхала на соседней серой скале, изучая склоны в поисках добычи. Капеллан испытывал только уважение к существу, и тем не менее он пришел сюда, чтобы убить его, голыми руками отнять жизнь и забрать священные кости.

Тотемы на шее были мелочью по сравнению с духовной значимостью этого величественного зверя. Он спустится с горы вместе с его трупом, а оттуда -- на Освобождение, к Шпилю Воронов, где украсит его скелетом свои древние доспехи цвета эбонита. Крылья украсят прыжковый ранец, череп станет маской капеллана. Именно такая честь

полагалась за проведение ритуала и убийство зверя. Дух птицы будет следовать за ним в бой, грозный союзник в войне с врагами Империи. Лишь тогда он сможет действительно вести своих братьев в сражение, хранить чистоту их сердец и помыслов, честь ордена.

Птица склонила голову и посмотрела в его направлении. Он был уверен, что его не видно за скалой, но не сомневался, что она знает о погоне. Много

дней она пыталась ускользнуть от него, поднимаясь все выше и выше по склону и находя себе все более негостеприимные насесты. Тогда почему она

решила сейчас устроиться на этом неровном выступе, словно даря краткую возможность нанести удар? Может, просто устала? Неужели его

выносливость и решимость оказались не по зубам зверю? Как долго он ждал этого момента, этих нескольких секунд затишья перед хаосом боя.

Воин сделал глубокий и спокойный вдох, чувствуя, как легкие наполняются легяным воздухом. В груди неритмично билось сердца. Он чувствовал, как в венах поет кровь, и напряг мышцы, готовясь к нападению. Выступ был не более трех метров в длину, к тому же скользким и узким. Если он оступится на камнях и упадет, игра окончится — высота здесь была немыслимой. Капеллан утрет раньше, чем долетит до дна.

Птица посмотрела в небо, словно готовясь к отлету.

Он пришел в движение, зная, что не может упустить представившийся шанс. Держась одной рукой, он обогнул отрог, а затем рванул к расселине,

двигаясь с проворством и гибкостью, которые казались невероятными для его размеров. Он перетахнул через край и приземлился точно на пятки.

Уперся в отвесную стену скалы, руками прервав движение. Менее чем через удар сердца оттолкнулся от камня, развернулся

на одной ноге и вытянул

руку, чтобы ухватиться за перья птицы.

Рок заклекотал от ярости и взмахнул крыльями, затем ударил когтями и попытался улететь, но он вцепился из всех сил, как можно крепче сжимая

перья птицы и всей душой желая, чтобы они не оторвались. Его ноги заскользили по земле, когда зверь протащил его через весь выступ в опасной

близости от края. Несколько камней сорвались в пропасть.

Воин не мог позволить птице улететь. Если ей удастся подняться в воздух, пока он цепляется за нее, то не сможет убить ее, не разбившись при этом на

скалах. Он окажется целиком в ее власти.

Птица резко дернулась, выгнулась и едва не вырвалась. Капеллан потянул зверя на себя, его рука заболела от напряжения.

Сверху раздался злобный, разрывающий барабанные перепонки крик. Воин в смятении посмотрел в небо и заметил, как на него пикирует вторая птица.

Она была едва ли не вполонину больше той, которую он сейчас держал, зверь распахнул крылья и вытянул перед собой когти, стремительно

приближаясь к утесу. Птица неслась вниз, намереваясь проткнуть его.

Ему некуда было бежать и оставалось пару секунд, чтобы начать действовать. Он взглянул на меньшую птицу, и на его лице появилась кривая ухмылка уважения.

- Умно... - пробормотал он, отпустив руку и позволив року взлететь в воздух. Птица сорвалась с утеса и, расправив крылья, устремилась вдаль.

Теперь он понял, почему доселе проигрывали его братья. Существо переиграло его. Невзирая на уважение, на знание о его разуме, он недооценил

зверя. Все это время птица знала, что на нее ведется охота, и играла с ним, заводя все выше и выше в горы. Она хотела вымотать его, заманивая все ближе и ближе к ловушке.

Он растеялся. Охотник превратился в добычу. Теперь его судьбу решит только бой.

Он ждал до последнего, и только затем отскочил в сторону, доверившись своему инстинкту и надеясь, что утес выдержит его вес. Птица вскрикнула от

раздражения, когда ее когти заскрежетали по скале, где он стоял всего секунду назад. Воин ударил кулаком и угодил прямым ей по клюву, птица отпорхнула в сторону, шипя и тряся головой, пытаясь прийти в себя.

Пронзительно каркая, рок облетел выступ, где капеллан стоял несколько минут назад. На краю обрыва балансировал камень размером с его кулак.

Сможет ли он воспользоваться им, чтобы победить птицу? У него практически не было шансов заставить существо приземлиться, а если оно еще раз

приблизится, то когтями разорвет его на куски. Он мог просто бросить в него камень, но если промахнется -- а

вероятность, что так и случится, была
высокой -- у него и вовсе не останется
оружия. Ему не хватало прыжкового ранца,
чтобы перенести бомбу в воздух. Если
только...

Вдруг птица сорвалась в пике, и у него
попросту не осталось другого выхода. Он
увидел только один способ одолеть
существо -- рискнуть своей жизнью,
сделать то, чего она не ожидала. Иначе он
будет просто сидячей мишенью. Капеллан
метнулся за камнем, зная, что при этом
покажется на пути у птицы.

Он услышал биеие ее громадных крыльев,
после чего когти вонзились ему в грудь.
Они пробили вторичное сердце, разрушили
легкое и раздробили по

меньшей мере три ребра, целиком насадив
воина. Когти вырвались у него из спины в
брызгах темной крови. Он закричал от
боли, когда существо

взмыло и направилось в горы, протащив
его по выступу. Скребущие пальцы успели
соткнуться на камне, и его тело поднялось

Воздух, плененное и
неспособное высвободиться из смертельной
хватки существа.

Рок победно закричал, вздымаясь все выше,
из всех сил работая крыльями, пытаясь
удержать такой груз. Он обмяк, заставляя
зверя гнуть, будто тот

победил, рассчитывая, что птица не
сбросит его вниз вместо того, чтобы
найти относительно безопасное место, где
сможет разорвать его на куски и
полакомиться внутренностями.

Они летели почти двадцать минут,
поднимаясь к самой вершине горы. Все это
время он не шевелился, несмотря на
пульсирующую боль и постоянный
риск того, что существо в любой момент
может решить кинуть его в пропасть,
словно безвольную куклу.

Он почувствовал, что биение крыльев
замедляется, и рискнул оглянуться по
сторонам. Они парили над широким
ущельем, пропастью, по дну которой
вился горный ручей. Он оценил расстояние.

Риск еще оставался, но лучшего шанса ему
могло больше и не представиться.

Вдруг птица заложила крутой вираж.
Должно быть, она почувствовала, как
напряглось его тело. Ее хватка ослабла,
когда когти попытались

выскользнуть из его груди. Раны
взорвались огненной болью, но он резко
схватил существо за лапу, чтобы не дать
ему спрыгнуть себя.

Птица запаниковала, когда он сместил
вес и нарушил равновесие, заставив уйти
вниз. Их начало бросать из стороны в
сторону, крылья существа

безутно молотили по воздуху, пока оно
безуспешно пыталось снова набрать
высоту. Но капеллану отчаянно заскребла
другая лапа, оставив на щеке

глубокий порез. Брызнувшая кровь
ослепила его, но он не разжимал хватку.

Завопив, рок опять развернулся и
распахнул клюв, чтобы клюнуть его. Воин
тут же воспользовался этой
возможностью, ударив камнем прямо по

голове.

Птицу дернуло в сторону, и, ошеломленная, она стремительно начала терять высоту. Он ударил еще и еще, а потом птица внезапно обмякла, потеряв сознание. Ее крылья бессильно затрепетали на ветру, и они полетели вниз, словно черно-белая десантная капсула, несущаяся к земле. Белый ворон и черный рок, оба падают навстречу погибели.

Он ничего не мог сделать. Ему оставалось надеяться, что инстинкты не подвели его, что он переживет падение. Тем не менее он приготовился к столкновению.

Падение.

Падение... А затем он погрузился в ледяную воду, шокированное тело попыталось втянуть воздух, пока силой удара его тащило в глубину. Вода хлынула в нос, в рот, на него давил громадный вес. Он бился, чувствуя, как горят раны на груди, чувствуя холод воды,

стискивающий сердца.

Молотя ногами, он вырвался на поверхность и набрал полную грудь воздуха. Его разорванное легкое отчаянно втягивало в себя кислород. Он доплыл до берега, старгая воду с глаз. Торопливо оглянувшись по сторонам, он испытал облегчение, увидев в ручье позади себя массивное черное тело с плескающимися на течении крыльями. Голова птицы лежала на берегу.

Он поднялся на ноги, а затем побрел к месту ее падения. Мокрые перья блестели в лучах заходящего солнца. Он упал на колени. Грудь птицы вздымалась и опускалась с надтреснутым, утирающим хрипом.

Он встретился глазами с ее взглядом и увидел в нем панику. Он, Кордэ, это окровавленное бледное существо, должно быть, воспринимался утирающей птицей как воплощение самой смерти. Ее изломанное тело внезапно затрепетало, когда она совершила

последнюю отчаянную попытку

взлететь, а затем, осознав всю тщетность, успокоилась и замерла, взирая на него с тихой покорностью.

Протянув руку, он провел рукой по ее голове и ощутил, как птицу охватила умиротворенность.

- Я почти твой дух, птица, - тихо сказал он. - Дальше мы пойдем вместе. С этого дня ты -- родня.

Затем он взялся обеими руками за ее голову и свернул ей шею.

- Победа или смерть! -- победно прокричал он, и его слова отразились от стен ущелья, вспугнув стайку маленьких воронов, которые наблюдали за ним

из ближайших кустов. Взвизгнув, они поднялись в воздух и закружились, словно крошечные тени на фоне садящегося солнца.

Кордэ встал на ноги и, застонав от напряжения, вытащил мертвого рока из воды. Он забросил массивное тело себе на плечи, слегка покачнувшись под

тяжестью. Рваные раны на груди и лице
уже практически затянулись, кровь
перестала течь. Он понимал, что его
ждет долгий и тяжелый спуск вместе со
своей ношей, но испытание его не
страшило. Самая тяжелая часть была уже
позади, и кроме того он знал, что теперь с
ним дух птицы.

...